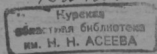

1324290

Историко-поэтическое описание рек Курского края.

(Юго-Западного края Ц.-Ч. О.—бывш. Курская губ.).

Курский край издревле был покрыт дремучими лесами. Они пали во множестве реки, речки, речушки, озера, ручьи, болота.

Местные архивные документы по поводу передачи наследственных земель почти все сплошь говорят о рыбной ловле. Рыба водилась кругом в изобилии и являлась доходным источником пропитания.

С течением времени леса стали вырубать, реки, озера, обмели, засорились, многие из них совершенно высохли, оставив одно лишь название. Стала пропадать и рыба.

И тем не менее, даже теперь Юго-Западный край Ц.-Ч. О. в достаточной степени богат водою.

По краю протекают следующие большие реки: Свапа, Донец, Ворскла, Псел, Сейм.

Главной рекой Курского края надо считать Сейм. Он впадает в Десну. Берет он начало в б. Старооскольском уезде близ села Богородицкого (ныне Бобровско-Дворский район Воронежского округа Ц.-Ч. О.) и тянется на протяжении 609 вер. Из них по б. Курской губ. он идет на протяжении 505 вер.

В Юго-Западном крае Ц.-Ч. О. Сейм идет в поперечном направлении и разделяет край на две неравные части—северную меньшую и южную большую.

На своем протяжении он принимает много притоков: Тускарь, Рать, Свапа, Обметь, Виногробль, Курица, Рагозина, Клюква, Реут, Млодать, Верхняя, Нижняя, Полная, Ворожба, Дичня, Лашня . . . всего насчитывают около 30 притоков.

В старину река Сейм называлась Семь. Во всех древних архивных документах говорится о реке Семи. И только с конца XVII столетия появляется название Сейм, которое сначала имеет место наравне с древним названием Семь, а потом постепенно Сейм берет перевес и становится главным и принятым названием реки.

Известно, что Курский край по самый б. Львовский уезд одно время был под властью Литвы. Именно в тех местах впервые и стали звать реку Семь Сеймом.

Надо полагать, что замена слова Семь Сеймом произошла под польским влиянием: с одной стороны от имени представительного собрания в Польше (сейма), с другой—от однозвучащего польского

слова семь, означающего по-русски число 7. В народе же река эта и сейчас идет под именем Семи.

Трудно объяснить происхождение этого названия. Предание говорит, будто река эта образовалась из семи рек, которые называются Семицами; известны Семицы: Котлубанская, Донецкая, Сухая или Пузатая.

Из слияния Семиц (выше села Покровского) образуется река Сейм.

Сейм течет по 6 бывш. уездам Курской губ. — Старо-Оскольскому, Тимскому, Курскому, Льговскому, Рыльскому и Путивльскому.

Еще и теперь Сейм богат водой; в нем много рыбы.

В прошлой же жизни русского государства Сейм был значительно шире и глубже, его называли в древности „Знатный“ (Багалеи), позже, в 18 в. его величали „Большая река“ (Ларионов).

Эта ширина и глубина реки вместе с прилежащими берегами еще в доисторическую эпоху была главной приманкой для поселенцев.

Оттого то наидревнейшие города Курского края стоят именно на Сейме (Рыльск, Путивль, Курск).

В старые отдаленные времена, когда не было в помине ни железных, ни шоссейных дорог, ни просто удобных шляхов, предки наши сносились по водным путям.

Известно, что в древности через Сейм по Курскому краю было два водных сообщения — одно шло из Днепра в Волгу (Днепр, Десна, Сейм, Свапа, Самодуровское озеро, Очка, Ока, Волга); другой путь был из Днепра в Дон (Днепр, Десна, Сейм, (волоком), Северный Донец, Дон).

Благодаря этим водным путям сообщения, через Курский край шли торговые сношения и с Византией, и с волжскими болгарами, и с Азовом, и с Каспием.

С течением времени, благодаря истреблению лесов, обмелели и реки, пути сообщения эти приостановились, но правительство всякий раз пыталось проложить путь по старым водным дорогам.

Петр I „помышлял о судоходстве по реке Сейм“.

Судоходство в 6. Курской губ., вообще говоря, дело нелегкое. Курская губ. занимает на русской равнине возвышенное место, с которого реки разбегаются в разные стороны и лишь верхним течением принадлежат территории Курского края.

Временем расцвета судоходства были 1780—1800 г.г.

Для правильного судоходства по Сейму, Тускари, Пелу и Свапе была образована „компания“ во главе с правителем губернии А. Н. Зубовым.

Ежегодно в половодье на Тускари грузились барки и сплавлялись на Сейм.

Слобода Михайловка на Свапе была складочным местом товаров, которые зимой свозились и санным путем шли на пристань г. Орла, а оттуда сплавлялись по р. Оке.

Зубовская компания изменила этот порядок. В Михайловке была устроена пристань, в ней стояли барки, которые по Свапе весной направлялись на Сейм и пробегали более 53 км. Несколько барок отправлялись и от пристаней г. Дмитриева. На Пеле пристань была устроена в г. Обояни, сюда свозились продукты губернии.

Весной Обоянский караван барок, как Курский и Михайловский, плыл на Днепр и успевал достигнуть этой реки.

4 мая 1789 г. „в общем городском собрании был составлен приговор, в котором торговцы выразили правителю Зубову благо-

дарность и поднесли адрес. „Курские купцы и посадские, ощущая в сердцах своих истинную и вечную благодарность к правителю А. Н. Зубову за открытие собственным его попечением водяной коммуникации по р. Тускарь через Курск протекающей и никогда судоходства не имевшей, способствующей посредством соединения рек: Сейма, Десны и Днепра провозу здешних продуктов не только в Херсон и Очаков, но и в самые отдаленные места, чем может торговля здешняя прийти в цветущее состояние, согласно приговорили: во извещение потомству об оказанном его (превосходительством) благоволении портрет его с приличной надписью поставить в зале собрания Градского общества и в Публичных Ведомостях о том напечатать“.

Ему же приготовлена была в Москве из чистого золота табакерка, на которой выгравировано изображение реки с плывущим по ней судном.

Зубовская компания свои надежды основывала на разлитии вод весною. Но к началу 1800 г. компания рухнула, благодаря убыткам и мысль о судоходстве была предана забвению.

В 1816 г. вновь был поднят вопрос о судоходстве Сейма. Главное Управление Путей Сообщения вело это дело.

Товар, отправленный из Курска в полую воду купцами, через 2 мес. пришел в Херсон. Хотя хозяева и имели прибыль, но путешествие это было трудно и сообщение вновь прекратилось.

В 1823 г. по почину Главноуправляющего Путиями Сообщения вновь был поднят вопрос о судоходстве Сейма. Дворяне обещали жертвовать в продолжении 4-х лет ежегодно по 45 к. с ревизской души; это давало бы сумму в 175,349 р.

Но в жизнь не прошел этот проект. Мысль о судоходстве временно опять умерла.

Наконец в 30-х годах 19 столетия с этим старым вопросом о судоходстве Сейма выступил помещик Пузанов.

Его проект был иным, нежели все предыдущие. Он предлагал, устранив реки Тускарь, Псел и Свапу, обратить все внимание на Сейм. Были сделаны опыты канализации и шлюзования. Проект его заинтересовал центр. Оттуда были отпущены средства.

Этот путь сообщения был назван Александринским водяным сообщением в честь царицы Александры, супруги Николая I.

20 июня 1839 г. последовало открытие судоходства по всему протяжению шлюзованного и канализованного Сейма.

Оно называлось „Александринской системой искусственного водяного сообщения“ потому, что для прохода судов у каждой мельницы были устроены особые деривационные каналы (17)¹⁾ и шлюзы.

Первая пристань находилась на берегу Сейма в 4,3 км. от Курска на Харьковской дороге.

На этот раз движение судов было незначительно и кратковременно. В 1843 г. прошло по Сейму 24 барки на сумму 147,000 р.; в 1844 г. на 36 барках, полубарках и 51 плоте было груза на 201,903 р.; в 1846 г. прошло 6 барок и 84 полубарок на 150,000 р.

Удачи не было. Причин было много: повреждение шлюзов весенней водою, понижение в них воды против обыкновенного притока, беспорядочное положение бичевника, слабое содержание плотин владельцами, недостаток лоцманов, малоходность и дороговизна содер-

1) Новоминский, Батуринский, Каменский, Путивльский, Клепальский, Теткинский, Марковский, Гапоновский, Кельтечевский, Баницкий, Угонский, Стародубский, Успенский, Мазовский, Мальцевский, Рышковский и Курский.

жания, бесконечные интриги администрации—вот причины, по которым дело в 1850 г. пало окончательно.

Историческое значение Сейма состоит в том, что он служит этнографической границей Курского края—к северу москалей—великороссов, на юге черкасов—украинцев.

Река Тускарь, правый приток Сейма, течет по б. Щигровскому и Курскому уездам, в длину она имеет 85 км.

Происхождение названия Тускарь не выяснено.

В старинных документах Тускарь называется Тускур и Антур-скарь. Предполагают, что название Тускарь происходит от животных туров, которые жили по берегам этой реки. Другие же думают, что Тускарь слово финское и означает лесистый остров.

Н. П. Сенаторский думает, что название Тускарь происходит от слова тусклый. Саратовский пешеход, пришедший в Курск в 1787 г., оставил нам свои записки, в которых он говорит о реке Тускале.

В старину Тускарь была судоходной рекой. Плавание шло от Коренной Пустыни по Тускари, Сейму, Десне в Днепр.

Приток Тускари: Кривец, Ровец, Кур и много др. Приток Тускари Кур дал название стоящему на его берегах городу Курску.

Слово Кур значит по-славянски петух. Есть в Курском крае несколько речек Куриц.

Раньше когда то Кур был хорошей рекой. По течению Кура еще не так давно (30—40 л.) было несколько водяных мельниц, именно—Монастырская в Знаменской роще, Аверинская на Стезевой даче, Пономаревская внизу Золотой улицы.

Вода в реке Кура была самой чистой и лучшей в городе. Этою водою поили Екатерину II во время ее пребывания в гор. Курске.

Еще недавно, лет 40 назад, в бывшем Лазаретном саду был колодец, славившийся своей водою.

В настоящее время Кур представляет из себя грязный, зловонный ручей. Другой правый значительный приток Сейма—река Рать.

Само название указывает на военную роль этой реки в прошлой русской жизни.

Действительно, река эта служила природной защитой курян от набегов татар с юго-востока. Там постоянно стояло войско (рать).

Известна найденная на реке Рати каменная крепость прошлого времени.

Течет эта река на протяжении 32 км.; начало берет в Щигровском уезде.

Третий большой приток Сейма—Свапа с притоком Усож, течет на расстоянии 211 км. Она берет начало в Самодуровском болоте (б. Фатежского уезда).

Через Свапу в старину шло сообщение из Волги в Днепр.

Из других притоков Сейма известны Клевень, длиною 133 км. берет начало в углу б. Орловской, Черниговской и Курской губ. В Клевень впадают Берюг, Обесту, Эсмань.

Из крупных рек Курского края надо еще отметить Псел и Ворсклу.

Название реки Псел или Псиол происходит от греческого слова ипсилос, что значит высокий. Так называли эту реку греческие купцы за ее высокий уровень воды. Это объяснение, кроме найденных в области реки Псла греко-римских монет, подкрепляется существованием в Византии однозвучной фамилии Псела.

Реки Псел и Ворскла протекают по Курскому краю только своими верховьями. Псел течет по б. губернии лишь на протяжении 165 км.

Берет начало Псел в б. Обоянском уезде, впадает в Днепр. Притоки его Пена, Суджа, Локтя, Ольшанка, Пселец, Солочанка, Солотинка.

В старину река Псел была обильна водою; еще в 70-х годах 18 в. на Псле была пристань в Обояни. Оттуда сплавлялся хлеб.

Царь Иван Грозный приказал казацкому гетману Дмитрию Вишневецкому построить на реке Псле суда и спуститься в Днепр для походов на турок и татар. Герой казацких песен под именем Байды, он был замучен в Константинополе в 1564 г.

Река Ворскла иначе называется Ворскол, Воскол, Ворскло (украин). Берет начало в Обоянском уезде, впадает в Днепр. Приток Ворсклица.

Ворскла и Псел в старину были обильны водою и по ним велось судоходство. Попадающиеся в них остатки якорей и больших судов служат доказательством их судоходности в прошлом.

Река Донец впадает в Дон; берет начало в Корочанском уезде. Из всего его 1096 км. протяжения Курскому краю он уделяет лишь 96 км.

В старину Донец был судоходною рекою. В конце 16 в. судовая Донецкая пристань была у притока Везелицы. В 17 в. отсюда торговые люди ходили на Дон. В 1738—39 гг. из Изюма были отправлены большие баржи с провиантом в армию, сражавшуюся против турок. Одно время (в первой половине 19 в.) было произведено шлюзование реки, но ощутительного результата для судоходства оно не дало.

Донец, как и приток его Оскол, рано встречаются в русской истории. В древности берега этих рек были покрыты густыми лесами.

Впервые Донец упоминается в 1109 г. в летописи. Упоминается он, как и Оскол, и в „Слове о полку Игореве“.

На этой реке стоял северянский город Донец, где Игорь Свято-славич, после неудачного похода против половцев, нашел себе отдых.

По течению Донца стояли все донецкие сторожи, в которых служилые люди несли тяжелую сторожевую и станичную службу, выглядывая татар.

Впоследствии на Донце и его притоках появились сторожевые города—Белгород, два Оскола (Старый и Новый), Короча, Нежегольск, Валуйки, Цареборисов, Купянск....

В старину Оскол был судоходной рекой. Известно, что при Годунове служилые люди из Старого-Оскола с запасами ездили по реке Осколу к его устью.

Из остальных рек, упоминаемых в прошлой русской жизни, надо указать еще на Тим и Кшень; источники их возле г. Тима.

Знаменитый Муравский шлях, по которому двигались татары на Московское государство лежал по течению этих рек.

В 1586 г. между устьями этих рек для борьбы с татарами был основан сторожевой город Ливны.

Природа, в виде леса и воды, всегда действует благотворно на человека, в какой бы стадии развития он ни находился.

Лес исчез, осталась вода. На нее перенес свое внимание человек. Ею занялся он в часы серьезного раздумья, ей посвящает он свои мечты и пожелания.

И эти мысли, мечты и пожелания вечно живы и новы; из уст в уста передает их одно поколение другому. И последующие поколения, повторяя старые легенды, сказки, стихотворения, творят свое и передают его в потомство.

Реки Курского края также были предметом восторга многих. Они увлекали, омрачали, восторгали людей и вдохновляли.

Небезинтересно познакомиться с творчеством, полученным от соприкосновения с водной стихией нашего края.

„Десна и Семь“ (народная легенда, записана от старика лирника в б. Путивльском уезде).

Жил был когда-то старик Богатырь, по имени Днепр и имел он дочь Десну. Веселая и красивая была Десна, а уж умница такая, что другой, почитай, и в целом мире не найдешь. Любил старик дочурку как говорится, души не чаял в ней. Шли годы за годами, Днепр дряхлел, а Десна становилась все краше и краше. Много молодых привсватывалось к Десне, но ни один из них не понравился ей. Полюбила она небольшого паренька, по имени Семь. Семь был парень трудолюбивый, честный и добрый, но не был так резв и умен, как Десна, да и притом старику Богатырю этот малыш не нравился. Как ни просил Семь, как ни упрашивала Десна, старик наотрез отказал выдать за него дочь.

В одно время заболел Днепр. Призывает к себе дочь и говорит ей: „Дочь ты, моя дорогая и милая, надоело мне жить на свете. Разольюсь я рекой, рекою быстрою, широкою,—длинною и глубокою. Стану я омывать города да села, деревни да слободы, степи привольные, бесконечные, да луга великие, заливные. Протянусь я, доченька, до самого моря; а ты, доченька, также разлейся рекой близ сердца моего; омой ты также города и села, леса и степи, луга и пески. Будем вместе жить и по прежнему, как любил я тебя, так и буду любить“...

—Как же, тятенька, останется мой дорогой друг, милый Семушка?—Зарыдала дочка...

Старик на это отвечает:

„Не горюй, не кручинься, доченька. От судьбы не уйдешь. Если Семушка—твой суженый, быть тебе его подругой, а не суженый и толковать нечего“.

Призвал старик Семушку и говорит ему:

„Сейчас с доченькой разольемся мы реками быстрыми и глубокими. Если хочешь жить с дочкой в парочке, отправляйся ты за полтысячи верст и оттудова догоняй ее. Сроку тебе один месяц даю. Догонишь—твоя будет; не догонишь—на себя пеняй“.

Заплакал Семушка, простился с Десной и отправился за полтысячи верст. Это, где теперь три Семицы: Донецкая, Сухая и Пузачкая. Разлился и он реченькой; но не быстрой, как Десна и ее старик. На пути его дороги, все кривые да извилистые овраги, леса и пески, пески сыпучие. Минует лески—чернозем густой не дает ему воли-волюшки. А к тому еще горе—горькое, сам не знает куда направляется.

А тем временем разлились Десна и Днепр. Рвут дубы столетние, обрывы и овраги размывают, роют пески сыпучие, прокладая себе путь. И как только старик далеко ушел и стал к морю подходить, Десна кинулась искать милого. Еще несколько дней и минет срок, назначенный батюшкой. Трудно было ей, но любовь помогла. Не прошел срок, как две реченьки и Десна и Семь шлют привет старику,—низко кланяются.

Рад и не рад старик, а должен принять зятя в дом. И с той поры все трое живут в мире да согласии. Дочь и зять, сколько в силах помогают старику...

Вот и выслушали вы слово вестное про дела, про старинные. А что было, то теперь было поросло.

Чортов курган (Рыльская легенда).

Давно, очень давно... не тогда, когда поляки ходили походом на Рыльск, не тогда, когда и татары брали в полон жен и детей из земли

русской, но может быть это было в то время, когда еще вятичи жили по тогдашним лесистым берегам реки Сейма.... А это было очень и очень давно. Но нам до этого дела нет, мы расскажем предание и, если хотите, просто на просто сказку о тогдашнем Рыляке и тогдашнем чорте.

Известно, какая тогда была жизнь в лесах дремучих и в дебрях непроходимых, которыми наполнена была матушка Русь: деревья росли веками, не рубились ни на сахарные заводы, ни на железную дорогу, ни на газ какой, а говорю—росли.

И так то в этих лесах водились волки и кабаны, а последних было такое множество, что даже и в герб города Рыльского попалась кабанья голова. Жили, говорю, таким образом люди в лесах и промышляли звериной охотой, а по реке Сейму рыбу разную ловили и тем кормились.

Был себе один мужичек; звали его . . . ну, хоть Иваном Жигалкой. Этот Иван Жигалка поближе других жил к Сейму и каждую ночь выезжал на реку с острогой.

Раз он поехал на челноке. Гребет себе веслом да гребет; вдруг челнок останавливается и как раз насупротив большого кургана, который из воды выходил, как гора какая и на котором проживал чорт.

Удивился Жигалка, что, как де это? малый он здоровый и сильный, а лодку с места не может веслами сдвинуть. Что бы это такое значило?... Метался Иван в разные стороны—ничего сделать не может. „Хот бы чорт пособил бы мне!“ Сказал он наконец и оглянулся назад . . . а челнок его тянет кто-то, такой косматый, с головы пена течет, глаза у него, как угли горят, а когти—не человечески. Жигалка не струсил однако-ж, а приподнял весло и хотел огреть косматого, но тот захохотал, как леший и сказал человеческим голосом: „Полно Иван, не на такого напал. Я похитрее тебя, не поддамся“. И вдруг нырнул, как утка какая в воду. Иван принялся снова грести, проклиная нечистую силу, но из воды раздался голос: „не уйдешь от меня, я похитрее тебя и говорю тебе ясно, что если будешь здесь раз'езжать около моего кургана и мутить мне воду, то дорого заплатишься!“ „Да кто ты, окаянный? спросил Иван,—уж не чорт ли и в самом деле?“

„Может быть он и есть!“, высунувшись из воды, произнес косматый. „Еще раз повторяю тебе, не ездь по этому месту, а то мутить мою воду и не даешь мне и ночью покою—отдыха, каково мне возиться с твоими земляками. Минуты не проходит, чтоб кто из них не помянул меня, а уж известно, кто меня помянет—я и при нем и к его услугам. Чорту, брат, менее всего отдыха, а тут ты еще и ночью приехал меня беспокоить“.

Мужик едва мог опомниться, хотел было перекреститься, да в то время еще порядочно не умел и креста положить, да и рука то его сделалась, как каменная. Струхнул таки и поворотил челнок. Поставив по обыкновению сети, он вышел на берег и никому не рассказывал о свидании своем с чортом.

На другую ночь поехал Жигалка, чтобы вынуть сети и выбрать рыбу, но не тут то было: все перервано, перепутано. Что тут делать, видно шутки косматого. „Постой, говорит Иван, пойду пожалуйюсь Лыцарю-пустыннику, он силу имеет и над нечистыми. Недавно, из пяти баб сто чертей выгнал, по десяти в каждой оставил; он и мне поможет“...

Лыцарь-пустынник этот жил тоже недалеко Рыла речки, где та в Сейм впадает, на каждый год грязью да илом его угощает.

Откуда и как зашел туда этот Лыцарь-пустынник—неизвестно. Видите ли: он был не простой пустынник, а с чином Лыцаря и ходил с палашем или с мечом обоюду—острым на правом бедре, этого то

его и Лыцарем звали. Хотится ¹⁾ ли кому суда и расправы искать— тот спешит к Лыцарю или идет к нему с другой какой потребой. Стоит только здукнуть в небольшое окно его пещеры и Лыцарь тотчас выходит. Мы уже сказали, что чудеса он творил, его все боялись; ну словом, как теперь бояться в уездном городе наибольшего. Особливо, как словно лихоманка трясет такого человека, о котором Лыцарь узнает недоброе—тотчас голова долой и поминай, как звали. Лучше не попадайся. Но пока этого еще не было, а так из милосердия кому отпустит палашем несколько ударов, тот и помнит долго и долго. Ссор и драки Лыцарь не терпел, а требовал, чтобы все рыляне жили мирно и дружно, чтобы их старшины взятков не брали, когда собираются на дело, меньше бы ковшем брагу мешали, на базаре бы купцы никого не обманывали, бабы и девки смотрели бы за хозяйством, а не сплетничали и не часто бы предавались разным пляскам. Вот к этому то Лыцарю-пустыннику и явился наш Иван Жигалка. „Не вели казнить, вели миловать, говорит он, я к тебе с жалобой на чорта, через него совсем обнищал; сети путает, проезду не дает. Помогите! Избавь от него!“

— „Ох, уж вы мне с этим чортом, говорит Лыцарь, вечно возитесь! Ну, пожалуй, я готов уладить это дело, только тебе и чорту надо предо мной самим явиться: тогда поди и приведи чорта, ты знаешь, где он живет. Дело будет сделано“.

И точно, суд Лыцаря, каков бы ни был, а нравился всем в то время . . . ведь еще это до Шемяки было, да и сам Шемяка ²⁾ жил и судил в Рыльске—нравилось тоже.

Поклонился мужик до земли Лыцарю и пошел лесом и думает думу: как бы ему увидеть чорта и как бы его привести к Лыцарю.

Известно, что чорт всегда легок на помине. Он сидит себе на дубу, да в Ивана желудями бросает. Взглянул Жигалка наверх и узнал своего косматого знакомого. „Слезай, закричал ему Иван, за тобой иду, пойдем на суд, на расправу к Лыцарю-пустыннику!“

—Изволь, говорит косматый, знаю, что ты успел пожаловаться,—и затем свалился с дуба, как пень какой.

Тут Жигалка рассмотрел его получше и даже признал за одного парня, которого не раз видел, как рылянкам орехи носил и от тех орехов у них зубы как уголь становились; да тут он все вспомнил . . . вспомнил и то, как молодые бабы и девки около того парня увидались, да как и самого Жигалки жена—старуха полуднивать мужу не хотела дать, а на того парня загляделась и борщ пролила. Дура не знала, что на чорта смотрит. А сам Иван Жигалка, пристально смотря в лицо приятеля, думал так: что ж? рожа то у него ничего нос длинноват, да волос на голове много, козья борода, рыжеват, ножки на копытцах—все это еще ничего; зато одеждой еще и щегольнуть может, так вот чорт-от какой. А мы дураки думаем, что он с рогами, может они и есть маленькие—из под колпака не видно...

Идут этак они. Мужичек едва за чортом поспевает; тот ножка с ножки попрыгивает, молодцом подается вперед, а мужик с лица пот вытирает, кричит и едва за нечистым поспевает. „Ух! говорит, не догонишь тебя“, а не знает того, что человек и чорта переиграл...

¹⁾ В Рыльске говорят: хотится, вместо хочется; здукнуть—вместо стукнуть.

²⁾ Этого Шемяку (XIII в.) не следует смешивать с Шемякою, сватом Юрия Галицкого, братом Василия Косого.

Было уже поздно, когда они пришли к пещере Лыцаря. Здучнул Иван в окошко. „Кто там?—раздался голос, и уснуть не дадут“.—А! закричал, зевая, Лыцарь и выходит из пещеры:—Это вы?—

Тут мужик тоже свое, а чорт свое. Лыцарь рассердился; слушал, слушал и, недолго думая, выхватил из ножен палаш да обоим и отсек головы, только глаза захлопали.

Совершив такой суд и расправу, Лыцарь опять лег и заснул.

Вдруг видит он во сне, будто ему говорит чей то голос: „И как де ты смел так распорядиться? Смотри, чтобы тебе за это так же не досталось; вставай и не теряя времени, пока еще в наказанных тобой течет теплая кровь, приставь каждому свою голову!“.

Лыцарь вскочил в страхе и трепете и тотчас побежал к тому месту, где, еще тепленькие, лежали Жигалка и чорт. Не думая, ни сколько, он приставил головы к туловищам и таким манером совершив, что ему было сказано, отправился во свояси...

Но тут дело вот в чем: второпях он голову чорта приставил к Жигалке, а голову Жигалки к чорту...

Вот отчего и говорится, что Рыляк и чорта проведет, что хитрее рыльского мужика и на свете нет, а уж что касается до расторопности и находчивости, не то, что какойнибудь вахлак утром бежал—к обеду нашелся, а Рыляк убежал, Алеутов завоевал, ¹⁾ Матушке царице подарил, за то из рук ее и медаль золотую с бриллиантом получил.

Так вот оно как.

Легенда реки Тускари.

Место на Тускари начиная от железнодорожного моста и ниже по течению „поганое“. Не заметили ли вы, что каждый год здесь непременно ждут утопленника и он обязательно бывает. Как не вертись, а в этом месте, хоть там мелко, кто-либо да утонет. А от чего?

Здесь то живет и гуляет водяной.—Позвольте, барин, что я вам расскажу,—передавал эту легенду один сторожил Танкову.—Однажды пошел я на Стрелецкий берег Тускари купить бураков у своих родных. Прихожу туда, а мне и рассказывают. Летним вечером, когда дома была мать с дочерью, сидели они у открытого окошка и смотрели себе на Тускарь, а уж стемнело, на реке было тихо-тихо. Вдруг глядят, а сами обмерли, по реке идет кто-то, прямо по воде—человек не человек, тень какая-то, а видят обе, что идет, твердо ступает. Вдруг как загочечет, захлопает в ладоши, гулко таково и сейчас же он „потоп“ в реке, так что и звания его не стало.

Вскочили обе женщины, закричали, сбежались мужчины, соседи... Опасались что кто—нибудь из купающихся утонул в реке, осмотрели берега, не лежит ли его одежда на берегу. Не тут то было. Никакой одежды нигде не оказалось. А потом стали расспрашивать, разговаривать. Что же узнали? Водяной то показывается, как тень, всякое лето, когда время бывает поближе к осени и ходит по воде, гочечет и в ладоши бьет. Многие стрельцы, да городские его видели. Он и топил людей и будет топить в этом месте до скончания века.—

Местный поэт Н. Любимов в 70-х г.г. прошлого столетия обращался к Свапе таким образом:

¹⁾ Намек на рылянина Шелехова, который занимался исследованием Алеутских и Курильских островов.

К твоим брегам, река родная,
Уж боле мне не приходиться,
И на струи твои, взирая
Воспоминаний не будить.

Скиталец по свету, без цели
На юг я север променял
И звук пастушечьей свирели
На моря гул; и грозный вал

С таким же вниманием Н. Любимов относится к Куру по поводу его наводнения в 1871 г. в своем стихотворении, под названием:

НАВОДНЕНИЕ 13 июня 1871 г.

Вот штуку выкинул нам Кур,
Как будто Волга иль Амур,
Так раскутился черезчур;
Понес мосты, посмыл дома..
Ну, словом, Кур сошел с ума;
А все из зависти подлец.
Увидя ясно, наконец,
Что Тускарь скромно так течет,
Лишь в половодие зальет
И то Стрелецкую одну;
А душу не пошлет ко дну.
За то и хвалится река,
Хоть и не слишком глубока.
Постойте ж, думает, вот я,
Пораспотешу Вас, друзья.
И точно, с помощью дождей

Мне заменил невинный ропот
Твоей незлобных волны;
И тростников прибрежных шопот,
И сладострастье тишины.

Приветно берег орошая,
Теки, Свапа, своей чредой;
А мне, скитальцу в край из края,
Не любоваться мне тобой.

Привел к концу свой план злодей,
Взбесился и засвирепел,
Как море пеной закипел,
Залил жилища бедняков,
И даже, господа, каков!
Не пощадил и кабаков.
Но вот за то-б его плетьюи:
Что женщину с двумя детьми
В своей пучине схоронил.
Едва об этом Сейм узнал,
Не долго думая сказал:
Зачем же шлюзы не открыли?
Или о них совсем забыли?
Где ж в это время власти были?
Где были? Мы о том молчек:
Тут роль играет комарек.

В 1895 году поэт Александр Мартаков в таких словах воспеваеет родной ему Псел:

Широкий Псел—река родная
Средь дикой прелести степей
Стремишься ты,—волной играя,
В пучину дальнюю морей...

Там под лазурью неба ясной,
Ты, Псел, широкий, Псел родной,
О славе родины прекрасной
Расскажешь ты стране чужой.

В своих бессмертных сказках, именно в „Сорочинской Ярмарке“ Гоголь пишет о реке Псле:

„Глазам наших путешественников начал уже открываться Псел; издали уже веяло прохладою, которая казалась ощутительнее после томительного, разрушающего жара. Сквозь темно—и светло-зеленые листья небрежно раскиданных по лугу осокоров, берез и тополей, засверкали огненные, одетые холодом искры, и река—красавица блистательно обнажила серебряную грудь свою, на которую роскошно падали зеленые кудри дерев. Своенравная, как она, в те упоительные часы, когда верное зеркало так завидно заключает в себе ее полное гордости и ослепительного блеска чело, лилейные плечи и мраморную шею, осененную темною, упавшею с русой головы, волною, когда с презрением кидает одни украшения, чтобы заменить их другими, и капризам, ее конца нет,—она почти каждый год переменяет свои окрестности, выбирает себе новый путь и окружает себя новыми, разнообразными ландшафтами. Ряды мельниц подымали на тяжелые свои колеса широкие волны и мощно кидали их, разбивая в брызги,

обсыпая пылью и обдавая шумом окрестность. Воз с знакомыми нам пассажирами взъехал в это время на мост, и река во всей красоте и величии, как цельное стекло, раскинулась перед ними. Небо, зеленые и синие леса, люди, возы с горшками, мельницы—все опрокинулось, стояло и ходило вверх ногами, не падая в голубую прекрасную бездну".

Писатель Лесков в „Печерских Антиках“ так пишет о Тускари: „Курск в таком (прекрасная погода) освещении очень весело смотрит с своих горок из-за своей сонной Тускари. Он напоминает собою Киев, разумеется, в миниатюре“.

В украинской опере „Наталка Полтавка“ Микола поет, обращаясь к реке Ворскле:

Ворскла—речка невеличка,
Тече здравна уже славна,
Не водою, а виїною,

Де швед полиг головою,
Ворскло зрило (видела) славно
диво...

А вот еще мысли местного писателя о Куре и Тускари. Он пишет: „Кур впадает в Тускарь близь духовной консистории. Там устроено несколько купален, охотно посещаемых в жаркие и летние дни невзыскательною, с железными носами и смутными представлениями о гигиене, публикою. Почему речка Кур так именно названа—не знаю, быть может потому, что на берегах ее нередко лежат останки безвременно погибших кур или потому, что ее курица может перейти вброд. Речка эта загаживается всякою нечистью так, что в летние вечера мимо нее лучше не ходить. Только в последнее время стали берега ее облагораживать, хотя, я уверен, что русло по прежнему не перестает быть складочным местом для всего того, что близь живущим обывателям неудобно держать во дворе, или не захочется вывезти куда-нибудь подальше; разве поставят на берегу через каждые 10 шагов полицейского с дубинкой, которою он будет у обывателей развивать стремление к чистоте. Благоустройство нам также претит, как голландцу грязь и всякое вообще неряшество.“

А между тем, кто бы мог подумать, что Кур имел своих поэтов, воспевавших его в сладко-звучных стихах. Один из них, Н. А. Малышев, в поэме „Владимир Бельский“, не получившей, к сожалению, всероссийской известности, относится к Куру саркастически, выражаясь о нем так:

„И в городе есть Кур; но если муха
Вдруг вздумает (всяк будет удивлен)
Пройти по нем, то не замочит брюха“.

За то другой поэт, унтер-офицер Егор Лихачев, приходил от Кура в такое умиление, что, сидя на его благовонных берегах и созерцая воды, создал одно из лучших своих стихотворений. Вот оно:

Не большое в том нам горе,
А приятный авантаж,
Что две речки, а не море
Обтекают город наш.
Море Черное прекрасно,
Вечно роскошью кипит,
Но и бурно и ужасно
Много бед оно творит.
Наши реки хоть не сильны,
Нет в волнах их кораблей,
Но прозрачны и обильны
Своей влагой для людей.

Кур и Тускарь, как родные
С давних дней уж здесь живут;
И в объятья вековые
Сейма старого текут.
Наша Тускарь по преданью,
В давней дружбе с Коренной,
Чрез нее мы по желанью
Все имеем от святой.
Наши реки с'единенны,
Как влюбленные сердца,
Окружают гроб смиренно
Милой „Душеньки“ певца (Богдановича).

Любим утром мы зарею
Гроб поэта посещать,
А с вечернею порою
При волнах о нем мечтать.
И веселыми волнами
Их питомца в сей стране

Выражают предвеками
Славу скромную оне.
Не большое в том нам горе,
А приятный авантаж,
Что две речки, а не море,
Обтекают город наш.

Хватил греха на душу, продолжает писатель, заговорил Лихачев о волнах там, где по словам Малышева, даже муха не замочит брюха.

И от Тускари и Кура,
Чародейскою рукой,

В мир Психеи и Амура
Нас уводят за собой.

Вспоминая наводнение Кура в 1871 г. в его стихотворении, анонимный автор цитируемой статьи приписывает поэту Любимову подражание „Слову о Полку Игореве“, когда он заставляет говорить старика Сейма:

Едва об этом Сейм узнал
Не долго думая сказал:

Тут роль играет комарек.

В последних строках поэт игриво намекает на некоторое пристрастие тогдашних властей к популярному в то время трактиру, именовавшемуся „Комарьком“¹⁾. Теперь, увы, его и следа нет, а в прежнее время это было злчное место для любителей пропустить графинчик с балычком...

Весьма вероятно, что в моем историко-поэтическом обозрении исчерпан не весь материал, относящийся к гидрологии Курского Края. Но и частичный его состав мне кажется достаточным, для ознакомления курян с историческими и физическими особенностями главнейших местных рек. Поэтическая форма изложения всего скорее заинтересует учащуюся молодежь и поспособствует прочному закреплению этих особенностей в ее восприимчивой памяти.

И С Т О Ч Н И К И.

- 1) Пузанов. „Проект приведения р. Сейм в судоходное состояние 1833 г.“
- 2) Кобылин. „Несколько сведений о реках Курск. Области“.
- 3) Танков. „Дворянский водяной путь“.
- 4) Труды Курского Губернского Комитета 1863 г., вып. I.
- 5) Сенаторский „Истор.-этногр. очерк Курского края“.
- 6) Сенаторский. „Географический очерк“.
- 7) Яковлев. „Гидрограф. очерк и подземные воды Курск. края“.
- 8) Танков. Путеводитель.
- 9) Ларионов. Наместничество.
- 10) В. А. Старосельского „Кур в прошлом и настоящем“.
- 11) Ряд стат. из Кургуб. Вedom. за 1894 г. № 923, за 1895 год № 52—53, за 1839 год № 4, 1846 г. № 22 и № 49, 1894 год № 860, за 1895 г. № 40, за 1908 г. № 206.
- 12) Сборник стихотворений Н. Любимова.

С. Евременко.

¹⁾ Трактир Комарек находился в 2-х этажном каменном доме на углу Знаменской ул. и площади, там, где сейчас стоит политическая трибуна. Назывался трактир так по фамилии своего владельца Камарьна. В трактире этом был кафешантан, где пели шансонетки. По ветхости, а более всего по настоянию архиерея (трактир был против монастыря), дом был снесен в начале 80-х годов (1882—83).